

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

КРЕСТОВСКИЙ ДУШЕГУБ

МОСКВА

БЕСПОКОЙНОЕ
ЛЕТО 45-го

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

КРЕСТОВСКИЙ ДУШЕГУБ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Крестовский душегуб / Валерий Шар-
пов. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Бес-
покойное лето 45-го. Послевоенный детектив).

ISBN 978-5-04-210109-0

Странное событие привлекло внимание оператив-
ников послевоенного Пскова. Среди белого дня в го-
родском парке пенсионер признал в проходящем мимо
милиционере переодетого фашистского палача и пы-
тался его задержать. Милиционеру удалось скрыться,
а пенсионер скончался на месте от сердечного присту-
па. Сыщики в недоумении: неужели опасный военный
преступник, которого они разыскивают вот уже не-
сколько лет, объявился в их городе? Следствие поруче-
но капитану Павлу Звереву по прозвищу «Зверь». На
счету бесстрашного опера десятки раскрытых престу-
плений. Но на этот раз ему предстоит поединок не
с отможенными уголовниками, а с кадровым офице-
ром СС, руки которого по локоть в крови...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210109-0

г. Псков, послевоенные годы...

Когда дежурный по Управлению доложил Корневу о странном происшествии, произошедшем на площади Жертв Революции, начальник псковской милиции вздрогнул и тут же принялся энергично хлопать себя по карманам.

— Вы же бросили, товарищ подполковник, — осмелился подсказать дежурный.

— Что? — не понял Корнев.

Вытянувшись в струнку, старший лейтенант громко по-военному выкрикнул:

— Курить, говорю, бросили!!! Уже год как не курите! Сами же говорили, помните?

— Помню?.. — Корнев снова вздрогнул и вдруг разом пришёл в себя. Его брови сдвинулись, щёки стали надуваться. — Конечно, помню! Только вот в твоих комментариях, старлей, я не нуждаюсь. Тебе вообще кто позволил орать в моём кабинете?

Дежурный побледнел:

— Виноват! Не подумал...

— Очень плохо, что не подумал! Кто занимается этим делом?

— Шувалов! — отчеканил дежурный.

— Ко мне его! Срочно! И ещё... — Корнев снова резко поник, что-то пробубнил себе под нос, потом,

налив из стоявшего на столе графина полный стакан воды, сделал несколько глотков. — Немедленно отыщите мне Зверя!

Пятью часами ранее на площади...

Несмотря на прошедший ночью дождь, на небе не осталось ни единой тучки, а солнце светило так ярко, что Дудукин, пройдя метров сто, уже пожалел, что не надел свою любимую серую панаму. До парка было рукой подать, поэтому Семён Семёнович не стал возвращаться, понадеявшись, что с лёгкостью найдёт себе местечко в тени. Выйдя так рано утром из дома, Дудукин пребывал в отличном расположении духа. Накануне он посетил своего лечащего врача, и тот заверил старика, что сердце у него работает как часы, на всякий случай прописал какую-то микстуру и порекомендовал больше бывать на свежем воздухе. Так что сегодня, несмотря на перенесённый недавно обширный инфаркт, Семён Семёнович был спокоен и бодр как никогда.

Тяжело опираясь на трость, Дудукин в течение пяти минут добрался до своего излюбленного сквера. Он прогулялся до газетного киоска, купил «Правду» и занял место на одной из свободных скамеек в теньке. Водрузив на нос очки, Дудукин прочитал статейку о расстреле Михайловича¹ и его сподвижников в Югославии и что-то ещё — про успехи тружеников страны в сельском хозяйстве и их новаторских методах по выращиванию сахарной свёклы. Когда глаза устали,

¹ Д. Михайлович — сербский военный деятель, возглавивший югославскую монархистскую организацию в годы Второй мировой войны.

Дудукин снял очки, отложил газету и отчего-то вдруг принялся вспоминать прошлое.

До революции здесь был обыкновенный базар. Площадь называлась Сенной, потому что здесь торговали углём, дровами и сеном. Днём тут всегда было многолюдно и суетно, а к вечеру площадь преображалась и скорее напоминала вытоптанный захламлённый пустырь. В двадцатом здесь высадили деревья, а спустя три года это место стали именовать площадью Жертв Революции.

В послевоенные годы площадь преобразилась. Деревья разрослись, а газоны в жаркое летнее время покрывались пышной и сочной зеленью. Однако Семён Семёнович любил это место вовсе не потому, что его как-то особо привлекали чистый воздух и восхитительные местные ландшафты. Он любил прогуливаться в этом сквере в первую очередь не потому, что тот находился в пяти минутах ходьбы от его дома, а из-за того, что Семён Семёнович считал своё присутствие здесь своеобразной данью памяти погибшим героям. Ведь именно здесь в годы Гражданской вояки батьки Балаховича¹ проводили массовые казни большевиков, а Семён Семёнович вполне заслуженно считал себя настоящим революционером-ленинцем.

Он родился в семьдесят восьмом в крестьянской семье, в маленькой деревеньке под Псковом; в семнадцатом покинул родные места и без колебания вступил в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, но повоевал недолго и после ранения поселился в Пскове. Здесь он долгое время проработал технологом на швейной фабрике «Славянка», здесь же пережил и немецкую оккупацию.

¹ С. Н. Балахович — военный и политический деятель времён Гражданской войны.

Здесь, в восемнадцатом, Семён Семёнович встретил Варвару Ивановну Елисееву — единственную свою любовь. Спустя три месяца они поженились.

Брак Семёна Семёновича с Варварой Ивановной можно было бы назвать удачным, вот только он не принёс обоим особого счастья. Они и прожили душа в душу почти четверть века, но так и не заимели детей. И Варвара, и сам Семён Семёнович предполагали, что виной тому была его старая рана в живот, полученная им в Гражданскую, но в семье это не обсуждалось. Накануне захвата города гитлеровцами Дудукин отправил Вареньку к родственникам в Ленинград, а сам остался в городе.

В сорок третьем Варвара Ивановна вместе со своей младшей сестрой и всем её семейством погибла при очередной бомбёжке города на Неве. В очередной раз отогнав грустные воспоминания и смахнув со щеки скупую мужскую слезу, Семён Семёнович огляделся.

Сегодня на площади было немногочленно. Неподдалёку в тени разросшегося клёна две молоденькие дамочки в ситцевых платьях и кружевных шляпках о чём-то увлечённо болтали, совсем не замечая того, что один из их детишек, толстенький карапуз лет четырёх, рвёт с газона траву и пытается накормить ею другого малыша — помладше, сидящего в коляске.

Напротив беспечных мамаш и их детей, тоже на лавочке сидели: очкастый парень в мешковатом костюме и хрупкая девушка в плиссированной юбке в горошек. Молодые люди тоже о чём-то оживлённо говорили, пили лимонад, не отрывая друг от друга глаз. Чуть дальше, за разросшимся кустом сирени, у лотка с мороженым, сидела на раздвижном стульчике довольно толстая продавщица и клевала носом. Вдалеке у фонтана пожилая парочка кормила голубей.

Семён Семёнович собрался уже было возвращаться домой, как вдруг его внимание привлёк мужчина в милицейской форме, который быстрым уверенным шагом шёл по дорожке от фонтана в его сторону. Синий китель и фуражка с бирюзовым околышем, почти новые яловые сапоги. Дудукин рассматривал идущего с почтением и лёгкой завистью. Среднего роста, подтянут, уверенная походка. Семён Семёнович водрузил на нос лежавшие на газете очки и смог чуть лучше рассмотреть мужчину в форме — и тут же обомлел: «Это же не может быть!» Семён Семёнович сорвал очки, протёр их платком и снова надел.

Теперь у него уже не было сомнений — он узнал этого человека!

Семён Семёнович схватил лежащую рядом самшитовую трость и бросился наперерез идущему. Тот, увидав старика, немного замедлил ход.

Когда разъярённый и немного запыхавшийся от бега Семён Семёнович попытался треснуть милиционера тростью, тот ловко увернулся. Дудукин замахнулся снова, но мужчина перехватил руку старика, вырвал у него трость и отбросил её в кусты. Поняв, что самостоятельно победить в этой схватке он не сможет, Дудукин схватил милиционера за китель и заорал что есть мочи:

— Граждане, держите его! Держите этого мерзавца! Это же Крестовский душегуб! Это же он... Он — проклятый палач! Убийца!

— Успокойтесь! Успокойтесь же! — процедил сквозь зубы милиционер и попытался оторвать вцепившегося в него как клещ старика. — Вы меня с кем-то спутали.

Крики старика Дудукина лишь ненадолго привлекли внимание окружающих. Молодые мамыши прервали свою беседу и в этот же момент увидели, чем зани-

маются их ненаглядные чада. Мамаши тут же принялись орать, выковыривать изо рта сидевшего в коляске ребёнка траву. До этого момента малыш казался вполне довольным, но, ощутив внезапную «материнскую заботу», тут же разревелся. Молодые люди, сидевшие напротив раскричавшихся женщин и их детей, бросили лишь беглый взгляд на Дудукина и его неприятеля и стали смотреть на так внезапно переполошившихся женщин и их детей. Тучная продавщица мороженого словно очнулась ото сна и энергично принялась пересчитывать свой слегка подтаявший на солнышке товар. Старичок и старушка, стоявшие у фонтана, продолжали кормить голубей. Криков Дудукина и перепуганных женщин они, скорее всего, просто не услышали.

Дудукин же всё ещё голосил и с поразительной для его размеров и возраста силой продолжал держать своего противника. Не на шутку встревоженный милиционер тщетно пытался оторваться и успокоить старика, уверяя, что не знает никакого «душегуба». Когда милиционеру всё же удалось оторвать от своего кителя одну руку Дудукина, тот вдруг пошатнулся и ослабил хватку. Пальцы старика разжались сами собой, он побелел, отшатнулся и стал медленно оседать на землю. Когда Семён Семёнович упал на колени, его лицо исказила гримаса боли. Теперь он уже не кричал, он шептал:

— Да как же так? Люди! Держите его! Держите же этого мерзавца, ведь это...

Не договорив, Семён Семёнович упал лицом вниз, а его недавний противник тут же опустил голову вниз и, не оглядываясь, поспешно покинул место разыгравшейся трагедии.

Часть первая

ЗВЕРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой мы познакомимся с капитаном
Зверевым и узнаем о его своеобразных отношениях
с представительницами прекрасного пола
и с руководством*

Крупный нос, толстые губы, глубоко посаженные глаза — никто на свете не назвал бы Пашу Зверева красавцем, однако тяжёлый, точно надгробная плита, взгляд, выгнутые коромыслом брови и чуть выставленная вперёд мощная челюсть, которые порой заставляли его собеседников-мужчин чувствовать себя неуютно, для большинства женщин были точно магнит для канцелярских скрепок.

Зверев редко надевал форму и обычно одевался как герой иностранных кинолент. На службу он обычно носил пиджак с накладными карманами цвета кофе с молоком, широкие брюки и белую рубашку, которую дополнял тёмный галстук, завязанный виндзорским узлом. Сапог, которые носили большинство его современников в послевоенные годы, он тоже не признавал, предпочитая им ботинки из толстой поросычей кожи. Однако если Паша Зверев одевался и выглядел как настоящий лондонский денди, манеры его не всегда соответствовали его облачению. Временами он был хамоват и даже откровенно груб, частенько

распускал руки, причём не только тогда, когда имел дело с преступниками. Эта особенность Паши Зверева, разумеется, никак не способствовала его продвижению по служебной лестнице, однако его это заботило мало.

Как-то раз при задержании Павел Васильевич получил ножевое ранение в лицо. Шрам спустя какое-то время исчез, но лезвие повредило лицевой нерв, и с тех пор правая щека Зверева временами подёргивалась. Также из-за этого ранения Зверев, разговаривая, слегка поворачивал голову и смотрел на собеседника (или собеседницу) искоса, словно изучая собеседника. Возможно, именно из-за этой особенности его поведения некоторые женщины, увидев Зверева впервые, тут же начинали чувствовать себя напряжённо, а в итоге надолго теряли сон и покой. Короче говоря, приятели называли Павла Васильевича Зверем из-за его фамилии, недруги — из-за его жёсткой манеры общения, что же касается женщин, то большинство из них считали этого грубияна «зверем» очаровательным и чертовски милым.

Когда посыльный, поднявшись на третий этаж дома номер пять по улице Гоголя, принялся усердно барабанить в дверь, Павел Васильевич ещё нежился в постели. Была пятница, часы показывали половину девятого, а Зверев приходил на работу вовремя только по вторникам, когда его старый друг и непосредственный начальник подполковник Корнев проводил еженедельные совещания с начальниками отделов.

Однушка с кухней и санузелом, где обитал Паша Зверев, была получена им сразу после войны. Квартира была маленькой, но выглядела довольно уютной. Здесь было всё необходимое: прочный стильный ди-

ван; шкаф, полностью забитый книгами, и комод, на котором стояли новенький патефон и настольные часы из дерева с латунной фурнитурой и маятником. Стены были увешаны картинами, на подоконнике стояли горшки с цветами. Впервые оказавшись здесь, незнающий человек никогда бы не подумал, что это квартира убеждённого холостяка.

Услышав стук, Зверев встал, на ходу заглянул в ванную и увидел там полуобнажённую Зиночку: на женщине были лишь кружевные трусики и бюстгальтер. Она стояла перед зеркалом и, что-то тихо напевая, расчёсывала волосы. На Зверева Зиночка даже не посмотрела. Тот почесал подбородок, покачал головой и не спеша направился к двери.

— Чего так грохочешь? Жить надоело? — резко распахнув дверь, прорычал Зверев молотящему дверь посыльному.

— Никак нет! Велено явиться!

— Велено? Словечко-то какое... — Зверев потянулся и протёр глаза. — Кем это велено?

— Подполковник Корнев приказал! Сказал, что срочно!

Зверев зевнул и бегло оглядел незваного гостя. Высокий, фуражка набок, ремни портупеи ослаблены. «Эх, видел бы тебя наш Стёпка, — подумал Зверев, глядя на парня. — Не помню этого субъекта, видать, новенький».

— Всё? — Зверев почесал подбородок и попытался закрыть дверь.

Посыльный, совсем осмелев, тут же сунул в дверной проём ногу, вытянул шею и посмотрел вниз. У самого порога на плетёном коврикe стояли лакированные женские туфли, тут же рядом на тумбочке красовалась

изящная соломенная шляпка с бежевым бантом. Посильный понимающе хмыкнул:

— Бурная ночка, товарищ капитан?

— А ты, я вижу, любопытный?

— В нашей работе без этого нельзя, сами же знаете! — сержант сдвинул на затылок фуражку.

— Откель же ты такой прыткий, детинушка?

Сержант не растерялся и ответил в том же стиле:

— Так ведомо откель — из Управления!

— Понял я, что из Управления. Подразделение какое?

— Так из дежурной части мы! Вот оно как.

Зверев снова почесал подбородок, сержант насто-
рожился.

— Копыто убери! — прошептал Зверев и слегка подался вперёд.

— Так вы едете или нет? — Парень чуть отступил, но ноги из прохода не убрал.

— Сейчас соберусь и приеду.

— Так я вас подожду?

— А на кой ляд ты мне сдался? — Зверев снова зевнул.

— Так я ж на машине!

— Вон оно как? Корневу так приспичило, что он даже машину выделил! Звать-то тебя как, чадушко?

— Не такое уж и чадушко. Четверть века надясь разменял!

— А звать-то тебя как?

Сержант продолжил в том же ключе:

— Зовусь я младшим сержантом Костиным. Честь имею, товарищ капитан! Костин Вениамин Петрович!

— Венечка, значит!

Брови парня выгнулись.

— Не Венечка, а Вениамин!

— Ах, вон оно что... Наглый, но гордый! Запомни, паря, если прикажу, будешь не только Венечкой, но и Веником!

— Это мы ещё поглядим, — обиженно буркнул сержант.

— Ладно, жди!

Зверев захлопнул дверь и крикнул всё ещё сидевшей перед зеркалом Зиночке:

— Визит окончен, солнце моё! Проваливай, меня начальство вызывает!

Зиночка, давно уже привычная к подобным выходам Зверева, всё же принялась голосить:

— Что значит проваливай? Не видишь, мне нужно привести себя в порядок? Мне нужно ещё как минимум полчаса...

— У тебя пять минут! Если не уложишься, будешь приводить себя в порядок на лестничной площадке. И кстати, мне самому нужна ванная, так что ступай в комнату и продолжай свой туалет там! — Зверев ухватил женщину за плечи, чмокнул в темечко (Зиночка была невысокого роста) и, отстранив в сторону, вошёл в ванную.

— Что? Ах ты... Мерзавец! Хам! Со мной ещё никто так не поступал! Сволочь! Какая же ты сволочь, Зверев! Ноги моей у тебя больше не будет! — доносилось из-за двери, когда Зверев включил воду.

* * *

Кабинет начальника милиции был не просто просторным — он был огромным. Посредине стоял дубовый стол с витиеватыми ручками, на столе, помимо настольной лампы, печатной машинки и телефона,

лежали лишь Уголовный кодекс и фотография темноволосой женщины с двумя детьми. На одной из стен висела карта СССР, у другой, как раз под портретом Сталина, стоял небольшой кожаный диван красного дерева. Над дверью висели массивные часы. Корнев сидел за столом, уткнувшись в бумаги.

Войдя в кабинет, Зверев, вместо более уместного «Здоровья желаю!», буркнул лишь короткое «привет!» и развалился на диване:

— Есть хочу, аж скулы сводит! У тебя там кусочка сала не заваялось?

— А тебя что же, краля твоя совсем не кормит?

Зверев ухмыльнулся:

— Вот же засранец! Уже успел настучать!

— Ты это о чём?

— Да о твоём посыльном. Вениамином Петровичем себя величает...

— Чего???

— Костин... Точно... Костин его фамилия! Любопытный такой гад, всюду нос суёт, а сам сразу же... — Зверев постучал по подлокотнику.

— Ты про того парня, которого за тобой отправили? Он-то тут при чём? Ничего он мне не докладывал! — хмуро ответил Корнев.

— А если не он доложил, то кто? — не унимался Зверев.

— Да никто! Я ж тебя сколько лет знаю? Если ты спишь до обеда, значит, опять бабу к себе приводил! Тут и докладчиков никаких не требуется.

— Вон как, значит!

Зверев тоже жил в собственной отдельной квартире, но в отличие от Корнева его постель постоянно кем-то подогревалась.

— Так ты дашь пожрать или нет?

— Обойдёшься! Да и нет у меня ничего...

— С каких таких пор?

— А с таких!.. Хватит уже в кабинете тараканов разводить!

— Ну ты и жлобьяра! Раз так, тогда говори быстрее, чего звал, да я обедать пойду!

Корнев отложил в сторону лежащее перед ним дело, достал из кармана платок и, вытерев лоб, заговорил:

— Ты слышал когда-нибудь о «Крестовском душегубе»?

Зверев достал из наружного кармана зубочистку и принялся вычищать грязь из-под ногтей.

— Слышал... и что? Ты же сам мне про него рассказывал, и не раз.

— В самом деле? — Корнев встал, подошёл к окну и снова принялся ощупывать собственные карманы.

— Если хочешь курить, то меня не проси, — небрежно бросил Зверев. — Сам же сказал, что завязал, значит, будь мужиком и терпи.

— А ты не оборзел? — всё-таки не выдержал Корнев, но тут же сник и вернулся на своё прежнее место.

— Табак курить — здоровье губить! — нравоучительным тоном продекламировал Зверев. — Сам же сказал, что медики строго-настрого запретили тебе притрагиваться к папиросам из-за твоей разбушевавшейся язвы.

— Плевал я на язву! — со злостью процедил Корнев. — Я Нине обещал, когда она меня на фронт провожала, что, когда кончится война, — брошу.

— Вон оно что! А раньше ты мне этого не говорил. Но ведь пепельница у тебя есть! Я это точно знаю. — Зверев вынул из внутреннего кармана пиджака порт-

сигар, закинул в рот папиросу и чиркнул спичкой. — Где она, кстати?

— Ну ты и сволочь, Зверев! — процедил Корнев и распахнул окно.

— Мне все такое говорят! — усмехнувшись, заявил Зверев и выпустил ртом несколько дымных колец. — Так мне что, на пол стряхивать?

Корнев подошёл к столу, открыл ящик и поставил на стол небольшую хрустальную пепельницу.

— Держи, мерзавец! Ты у нас хуже фашиста!

Зверев поднялся, ухватил один из стульев, стоявших у стены, и пересел за стол.

— Напрасно ты так. Забота о твоём здоровье не входит в мои обязанности, но как друг я обязан тебя сдерживать. — Зверев снова выпустил колечко дыма. — Так чего звал-то? Говори быстрее про своего «душегуба», а то у меня своих дел по уши.

Корнев снова уселся за стол и принялся барабанить пальцами по столешнице.

— Может, я тебе это всё уже и рассказывал, — возбуждённо продолжил Корнев. — Но не грех будет и повторить! «Крестовским душегубом» называли заместителя начальника зондеркоманды СС 11-д — Дитриха Фишера. Этот мерзавец повинен в гибели сотен невинных людей. Начальником зондеркоманды был некто Хьюго Зиверс, он проводил опыты над людьми и даже получил патент на изобретение какой-то дряни, которой смазывал губы детям, и они мгновенно умирали. Помимо всего прочего, в сорок третьем проводил он массовые казни в концентрационном лагере в местечке Кресты у нас под Псковом. В сорок пятом Зиверс был захвачен американцами, узнав о том, что будет передан русским, покончил с собой в камере,

использовав свой препарат, секрет изготовления которого унёс с собой в могилу. Фишер же после освобождения нашими Пскова исчез из поля зрения органов. Ныне разыскивается как военный преступник.

Зверев загасил окурок о пепельницу и вставил:

— Я слышал, что этот Фишер тоже не был паинькой.

— Всё верно. Дитрих Фишер — правая рука Зиверса, оберштурмфюрер СС! Не только отправлял людей в газовые камеры, но ещё и издевался над ними, перед тем как умертвить, — дополнил Корнев.

— Всё ясно, и что же ты мне жаждешь сообщить? Этот мерзавец где-то объявился?

Корнев снова вскочил и принялся, размахивая руками, ходить туда-сюда.

— Сегодня в сквере на площади Жертв Революции на глазах у нескольких свидетелей один старик набросился на проходящего мимо милиционера. Завязалась потасовка, после чего у старичка стало плохо с сердцем, и он упал замертво.

— А что милиционер?

— Оставил старика умирать и скрылся!

— А старика точно не грохнули?

— Все признаки указывают на остановку сердца, но результатов экспертизы пока ещё нет.

Зверев почесал подбородок, уселся на стул и закурил новую папиросу.

— Лица милиционера, конечно же, никто не разглядывал?

— Какой же ты догадливый! Свидетелей пятеро, четверо из них женщины: две ни черта не смыслят в знаках различия; третья говорит, что это был старшина; четвёртая вообще называет его капитаном. Запомнили только форму!